

возмутители крестьянской массы, а сама гражданская война показана как крестьянский бунт: «Между тем начался бунт в Аргау и в Бадене. Вооруженные крестьяне, под начальством Эрлаха, бывшего знатного аристократа в Берне, завладели Баденом, Бругом и Ленцбургом; даже и бернские крестьяне бунтуют, требуя учреждения всеобщей демократии < . . . > Базель от 18 сентября. Слышно, что вооруженные крестьяне взяли Арбург и прямо идут к Берну; говорят даже, что и Берн захвачен ими. Если так, то у нас нет правительства. С часу на час ожидаем французов < . . . > Эрлах, возмутитель крестьян, называющий себя генералом и восстановителем старой Конституции, недолго будет храбровать. Фамилия Эрлах была издревле славнейшею и богатейшею в Бернском кантоне. Она отличалась всегда особенною привязанностию к аристократии» (XX. 323—324).

Следующий репортаж из Швейцарии продолжает обзор гражданской войны в том же стилистическом ключе и с теми же смысловыми акцентами. Главным действующим лицом событий остается здесь генерал Эрлах, хотя о фактическом руководителе конфедератов — Алоизе Рединге — и говорится как об «истинной душе мятежников». Но и тогда указывается на то, что «подкрепляют его прежние бернские аристократы, которые хотят возвратить утраченную власть и знатность; народ же есть только слепое их орудие» (XXI. 74).

Итак, аристократы во главе крестьянских армий, по мнению автора репортажей, главные виновники «падения Швейцарии» и вторжения в страну французских войск.

Но вот с помощью иноземной армии в стране устанавливается относительное спокойствие и встает вопрос о выработке нового законоположения взамен отмененной Конституции. Размышляя о том, кто мог бы стать его создателем, Карамзин так характеризует генерала Эрлаха: «Генерала Эрлаха, второго (после А. Рединга. — *И. Н.*) актера сей новой революции, знаем мы только как автора дурной книги, изданной лет за десять перед сим: не такие люди решают судьбу государств, не такие умы дают мудрые законы» (XXII. 156).

Обзор швейцарских событий 1802 г. заключает статья «Гельветическое правительство возвратилось с честью из Лозаны в Берн. . .» (XXIII. 246—248). Отношение автора репортажей к такому финалу гражданской войны неоднозначно. Хотя его антипатии к «друзьям Рединга или конфедератам» очевидны, заключительный эпизод междуусобных волнений рисуется так: «Когда Бонапарте велел объявить сейму, что он уничтожается, то Рединг отвечал: „Мы не будем противиться французам, но у нас есть оружие, которое сам Бонапарте уважает: справедливость и потомство!“ Ответ трогательный, если истинная любовь к отечеству говорила устами сего гражданина» (XXIII. 246).

Для того чтобы иметь возможность соотносить содержание швейцарских публикаций «Вестника Европы» с общественной позицией самого Карамзина (это в конечном счете и является задачей